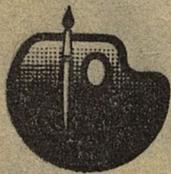

СМЕНА

ВОСКРЕСНЫЙ ГОСТЬ

«СМЕНИ» —

СЕКРЕТАРЬ ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА

ХУДОЖНИКОВ СССР,

ЛАУРЕАТ

ГОСУДАРСТВЕННОЙ

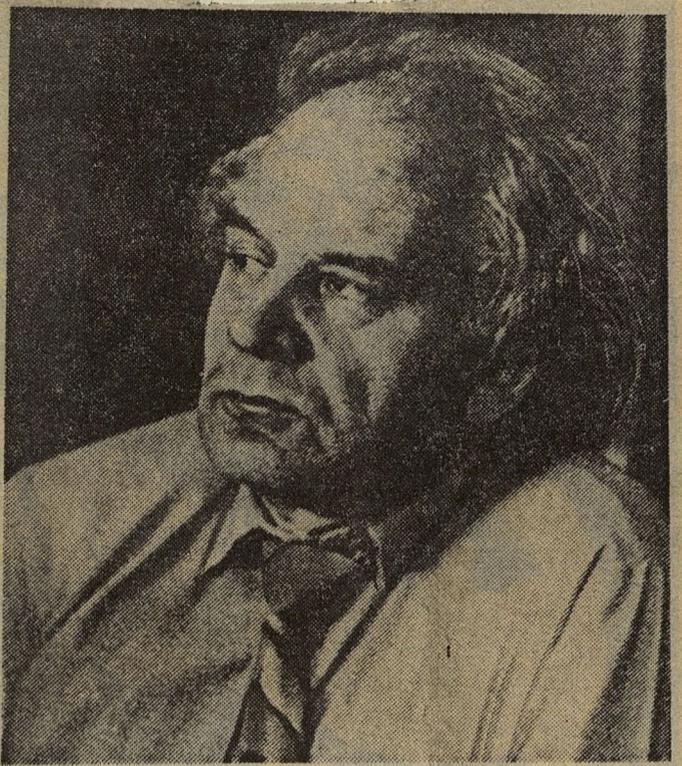
ПРЕМИИ СССР

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ

АПН СССР

Борис Михайлович

НЕМЕНСКИЙ

О его картинах спорят не только критики, коллеги-художники, но и самые широкие круги зрителей. Причем говорят не столько об особенностях художественной формы или о стилистике, а о том, что действительно волнует всех, — об отношении к жизни, о высоком предназначении искусства.

...Ему было 18, когда началась война. Через четыре года, прошагав фронтовыми дорогами с альбомом и этюдником, художник и солдат одновременно, он закончил ее в Берлине. Борис Михайлович Неменский и до сих пор преимущественно военный художник. И хотя им создана интереснейшая серия портретов своих учеников — студентов-вгиковцев, написаны прекрасные полотна, посвященные женщине, военная тема навсегда осталась в его памяти и сердце. И потому, наверное, у него в мастерской на мольберте снова картина «про войну». Нет, там не будет батальных сражений и воинских подвигов, но будут люди, оплеченные войной, которых он сильно, нежно и благодарно любит.

Его общественная, научная, литературная деятельность — это логическое продолжение живописного творчества. Вступив на путь просветительства более четверти века назад, он с удивительной последовательностью и неистощимым терпением ищет практические пути разветвленного эстетического образования молодежи. Именно этой проблеме посвящены его книги, статьи в печати, выступления по телевидению. Под его руководством коллегтив научных работников и педагогов активно разрабатывает вопросы нового подхода к преподаванию искусства в школе.

И живопись художника, и его большая работа по эстетическому воспитанию молодежи побуждают задуматься о важных вещах: о человеческой ответственности искусства, об отношении к нему зрителей.

— Наше время по праву называют веком научно-технической революции. ЭВМ, уникальные автоматы и роботы... Наука, открывшая новые удивительные миры, позволила человеку заглянуть в глубинные космические пространства, в раскаленные недра Земли и тайны живой клетки... Казалось бы, век науки и техники. Но почему же все настойчивее заявляет о себе проблема эстетического воспитания в широком смысле, почему мы все больше ощущаем его крайнюю необходимость?

— Да, сегодня человечество многое знает, умеет и может. Но прав был Альберт Эйнштейн, сказавший еще полвека назад, что знания и мастерство сами по себе не могут привести людей к счастливой и достойной жизни. Высокое развитие только производства и потребления не может дать нам полного счастья, недаром все более острым становится вопрос нравственной, духовной разобщенности людей. Как часто еще скудость чувств, интересов, проявление эмоциональной неразвитости — равнодушные, черствость, грубость — ломают жизни и судьбы, отношения людей и в личной жизни, и на работе.

Воспитать человеческого человека, с большим сердцем и вы-

сокими чувствами, развить в каждом способность к пониманию, сопереживанию, сочувствию... Я убежден, что нет для нас задачи важнее. И вот здесь искусство незаменимо. Потому что ни одно самое прекрасное математическое решение, открытие физики, химии, биологии не может ответить человеку, зачем он живет, что значат для него окружающие люди, что он для них... Именно искусство, накопившее за тысячелетия важнейший опыт чувств и отношений, как мудрый советчик, может внушить нежность к человеку и тревогу за него, а значит, и ответственность за судьбы человечества. Ведь музыка или живопись — это не просто красота цветочных сочетаний, игра в краски и звуки, дающие радость, наслаждение жизнью, но борьба добра и зла, красоты и безобразия в человеческих душах.

— Почему же так непросто складываются отношения людей с искусством? Одним кажется, что они и без искусства неплохо проживут, другие не могут отличить подделку от настоящего произведения, третьи идут от искусства только развлечениями...

— Считать, что можно прожить без искусства, это по меньшей мере просто наивно. Самообман! И песня, и сказка, и расписная матрешка, и красивая чашка, и дом, и фильм — все это искусство. Только можно выбрать высокие или низкие его образцы. Мы действительно часто досадуем на распространенность у нас мешанских вкусов — то ли купеческого плана, то ли плана дешевой фронды, когда молодого зрителя привлекает любой выкрутас, лишь бы повычурней да помодней, либо ядовитая продукция псевдонискусства, завезенная из капстран... Но разве не мы сами в этом виноваты!

Скажите, откуда наша молодежь возьмет хороший вкус, если ни школа, ни институт не дают почти никаких представлений об искусстве. Ведь тот или иной уровень вкуса — это всегда результат определенного художественного разви-

тия. А мы очень долго смотрели на искусство как на «хобби», как на занятие только для приятного заполнения времени. Увлеченные НТР, погруженные в «мир информации», отдавая предпочтительнее наукам точным, мы вообще стали порой считать логическое мышление единственно достойным современного человека, а эмоции чем-то вроде аппендикса. Мы создали вакуум, пустоту в воспитании этой стороны духовной жизни юношества и надеемся, что она сама по себе как-нибудь чудом правильно заполнится. Нет! Оттого, что мы не развиваем те или иные духовные потребности человека, они не исчезают, они просто вырастают чахлыми или уродливыми.

— Это, наверное, в конечном счете не может не сказаться и на развитии нашей культуры?

— Безусловно. Потому что искусство живет не только трудом и мыслями художников, оно в такой же мере живет отношением к нему зрителей. И без взаимодействия, без взаимопонимания между художником и зрителем наш труд теряет всякий смысл. Как часто, к примеру, еще можно встретить зрителя, который в первую очередь смотрит на то, как «сделана» картина, как выполнена, не проникая в ее суть, или ищет на выставке произведения, похожие на жизнь, как фотография. Но еще Маяковский говорил, что искусство — не отражающее зеркало, а увеличивающее стекло. Не имея развитой творческой фантазии, такой зритель видит только поверхность. «Есть и у действительности видимость, а я ишу за видимостью душу» — так, кажется, в стихах Новеллы Матвеевой. Или эти строки у нее же — «не в соли — соль, гвоздь тоже не в гвозде...». Так вот, очень хочется, чтобы зритель умел увидеть подтекст, увидеть то, ради чего художник взялся за кисть и «нарисовал гвоздь».

— Не эта ли зрительская неграмотность порождает бесконечные разговоры о «доступности» произведений искусства?

— Это слово, на мой взгляд,

не совсем точное. В сознательном стремлении к «доступности» есть, как метко заметил один критик, «что-то, подобное выпуску удешевленных товаров сниженного качества». Дело ведь не в том, чтобы искусство было всем без труда доступным, так сказать, на любой вкус. Это невозможно. Определенная труднодоступность всегда останется, потому что общение с искусством требует уровня культуры чувств, интеллигентности, труда ума и души.

Я не сторонник той точки зрения, согласно которой народу нужно давать «упрощенный и разжеванный духовный корм» в духе элементарной назидательности. Пусть картина, фильм, роман будут сложными, непростыми, но пусть содержат в себе какие-то важные и значительные для всех зрителей идеи, мысли, раздумья.

Ну а самый реальный путь воспитать зрителя — это сделать так, чтобы искусство входило в его жизнь как можно раньше. Ведь это только в прекрасной сказке про Маугли человек, выросший среди волков,

жени искусства главное не в усвоении художественной грамоты, определенных навыков и знаний, а в глубоком понимании сути искусства, его эмоционально-нравственного, человеческого содержания. Именно эти принципы мы и закладываем в новую школьную программу по искусству, которое должно рассматриваться на занятиях в первую очередь как духовная культура, как отношение к миру, природе, обществу. То есть учить не искусству, а искусством, путем передачи знаний и навыков. Если старая программа просто учила рисованию в отрыве от жизни, не оставляя места для эмоций и чувств, то сквозная идея нашего метода — связь искусства и жизни — пронизывает все занятия с первого до восьмого класса. Например, в начальной школе рассматриваются такие темы: «Ты и искусство», «Искусство вокруг тебя», «Каждый народ — художник», где любой урок, словно кирпичик в стройной системе, строит здание, и в результате получается самое основное — личность. В этом эксперименте, который длится уже около десяти лет, участвует около пятидесяти школ в стране, в том числе две ленинградские.

— Насколько вас удовлетворяют его результаты?

— Реакция педагогов и детей, а это самый чуткий барометр, очень положительная. У нас было достаточно времени, чтобы в этом убедиться. Программа «Изобразительное искусство и художественный труд» проверялась в Прибалтике, Средней Азии, на Украине, в РСФСР, Москве, Ленинграде, а также в сельских школах некоторых областей. И сейчас перед нами задача не столько пропаганды эксперимента, сколько сдерживания стихийного распространения — таков напор педагогов. — Потому что для организованного, поэтапного внедрения ее в школу нужны не только методические материалы, но и зрительные, звуковые, технические.

— Но, наверное, как бы ни были хороши программы, все в конечном счете зависит от личности самого учителя?

— Конечно, уровень художественной культуры самих воспитателей — это еще одна проблема. Одни учителя ссылаются на вечную занятость, другие — на периферийный «дефицит» культурного ассортимента, а кое-кто из них очень часто пребывает в некоей самоуспокоенности: уж мне-то, дескать, нечего беспокоиться за свой вкус. А на деле подчас получается, что учитель не может отличить подделку от шедевра, банальщину от подлинного искусства.

Наша программа предполагает формирование такого педагога, который мог бы быть не просто учителем рисования, но учителем искусства. Естественно, он должен уметь и рисовать, и писать, и моделировать, ведь ему предстоит руководить всей практической деятельностью учеников. Но, самое главное, он должен быть человеком, влюбленным в искусство, чувствовать себя наследником, представителем высокой художественной культуры прошлого, полпредом искусства в мире детства. Потому что влюбить — может только влюбленный, научить — умеющий, дать знания — знающий, воспитать культуру — человек, обладающий этой культурой сам.

Я верю что, объединив усилия всех, кто ответствен за воспитание человеческой души, мы должны добиться того, чтобы всеобщая грамотность и образование переросли в высокую культуру всего нашего народа.

С гостем встречалась
Н. НЕКРАСОВА

Москва — Ленинград

Искусство — это не лекарство, не пенициллин, не панacea от бездуховного примитивизма. Принял дозу — и все, здоров! Нет, так не бывает и не может быть. Творческое развитие, умение петь или рисовать еще не гарантируют высокого отношения к жизни. Можно знать всю историю искусства и не познать его ценности. Снобы — именно такие люди. Даже блестяще развитые слух, глаза или руки еще не гарантируют ни подлинного творчества, ни тонкости развития души, ни высоких нравственных критериев.

— Но если знание искусства, его языка, его истории, то есть того, чего мы ждем от школы, еще не гарантирует культуры духовной, нравственной, эмоциональной, то как же тогда?

— Вот тогда мы и приходим к такому выводу, что в пости-